

Булкин Вал. А., Салимов А. М. Архитектурно-археологическое исследование Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1995. Вып. 2. С. 37 - 49.

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НИКОЛЬСКОГО СОБОРА АНТОНИЕВА КРАСНОХОЛМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Никольский собор Антониева монастыря находится в 5 км от города Красный Холм на северо-востоке Тверской области. Местные монастырские источники относят основание обители к 1461 г. и связывают это с именем белозерского монаха Антония.ⁱ Возник монастырь во владениях боярина А. В. Нелединского-Мелецкого. Территория Бежецкого Верха была получена его дедом от Василия Темного.ⁱⁱ Согласно свидетельству монастырского летописца, закладка каменного собора состоялась в 1481 г.ⁱⁱⁱ Основатель собора Антоний не дожид до освящения храма. Он умер на следующий год после начала строительства. Постройка была завершена при его приемнике — Германе. Последний был настоятелем монастыря до 1493 года.^{iv} Ко времени начала архитектурно-археологического изучения памятника от постройки кон. XV в. сохранились лишь три стены основного объема и небольшие фрагменты северной и южной апсиды. Уцелевшие на всю высоту южная, западная и северная стены венчаются остатками закомар, сохранивших в ряде случаев до трети своей первоначальной высоты. Такое состояние здания — результат его частичной разборки в 1930-е гг., когда была уничтожена глава, сводчатая система, столбы и алтарная часть. Однако, принимая во внимание существующий графический материал, зафиксировавший Никольский собор как до разрушения, так и после, определимы типологические особенности храма. Это было крестово-купольное, четырехстолпное, трехапсидное сооружение, не имевшее подклета. Длина здания без апсид (по внешнему контуру) — 16,4 м ширина — 16,2 м высота до закомар — 9,6 м. Апсиды, примыкавшие с востока к четверику, равнялись по высоте почти 3/4 его объема. Венчал здание мощный цилиндрический барабан с узкими щелевидными проемами и большой луковичной главой. Собор сложен в смешанной технике кладки. Стены четверика выполнены из белого камня. В качестве забутовки между внутренней и наружной верстой использованы залитые известковым раствором различных размеров белокаменные блоки и щебень.

Обломки кирпича единичны и, как правило, небольшого размера. Последние фиксируются в обнажившихся после разрушения апсид восточных торцах северной и южной стен. Своды были полностью сложены из кирпича и, вероятно, из того же материала был сложен и барабан.

Ко времени разрушения в 30-е гг. строительная биография храма насчитывала уже более пяти с половиной столетий. Если документы 2-й пол. XVI в. лишь фиксируют состояния здания^v и не позволяют выявить какие-либо изменения, произошедшие с ним за предыдущее столетие, то источники XVII в. содержат свидетельства не только о ремонтах основного объема, но и о пристройках, возведенных рядом с собором.

В XVI столетии в монастыре продолжала существовать «церковь Николы Чудотворца каменная, а в ней придел Благовещенье Пречистые Богородицы; крыша и две главы на церкви деревянные, опаяны жостью...» малая глава над юго-восточным углом компартиментом, где находился Благовещенский придел,^{vi} сохранялась и в 1-й половине XVII в., поскольку в 1631 г. «значатся обитыми белой жостью... две главы — на храме и приделе».^{vii} В 1634 г. после сильного пожара вновь отмечаются «две деревянные главы», обитые белой жостью.^{viii} В середине XVII столетия появляются западные и южные притворы.^{ix} В 1683 г. «иждивением стольника Якова Васильевича Нелединского» собор был расписан,^x а в 1685 г. в связи с устройством на северной стороне монастыря больничных келий «с церковью в честь Благовещения Пресвятыя Богородицы», перестал существовать одноименный придел в Никольском храме.^{xi} По всей видимости, ликвидация придела повлекла за собой разборку малой главы, и в 1763 г. монастырская опись отмечает одноглавие Никольского собора.^{xii} Не исключено, что разобрана она была между 1685 и 1690 гг. Последняя дата фиксирует пристройку к юго-западному углу храма Всехсвятского придела.^{xiii}

В древнейших монастырских описях содержатся сведения о каменной невысокой поперечной стенке, отделяющей жертвенник от наоса. В сене имелся входной проем с полуциркульным верхом.^{xiv} Наряду с алтарной преградой, связывающей северо-восточную подкупольную опору с северной стеной, источники отмечают существование четырехъярусного иконостаса.^{xv} В 1693 г. его сменил «новый... прямой, в 5 ярусов».^{xvi} С небольшими изменениями этот иконостас сохранялся еще в 80-е годы XIX в.^{xvii} и был, по-видимому, уничтожен в советское время. В 1754 г. у собора появилась северная паперть. В свою очередь, южная в 1814 г. была разобрана.^{xviii} В середине XVIII в. был сделан новый чугунный пол, который в 1858 г. заменили деревянным. В 1763 г. «церковь и алтарь в первый раз были покрыты железом по железным стропилам».^{xix}

В ходе археологического исследования здания предполагалось уточнить его

техничко-технологические и типологические особенности, получить новый материал для суждения о датировке и атрибутике памятника. В опубликованной недавно статье В. П. Выголов пытался объяснить несоответствие отдельных архитектурных элементов Никольского собора, получивших распространение лишь с начала XVI столетия, и даты, сообщаемой летописцем (1481 г.). Появление у провинциальной постройки явно выраженных «итальянизмов» и иных особенностей, предвосхищающих архитектуру XVI в., исследователь склонен объяснять работой в Бежецком Верхе в начале 80-х гг. XV в. итальянского зодчего.^{xx} Наиболее вероятной В. П. Выголов считает датировку собора 1-й пол. 80-х гг. XV в.^{xxi}

В ходе проведенных работ от завалов строительного мусора была расчищена алтарная часть здания и заложено 16 шурфов внутри и снаружи основного храмового объема.^{xxii} Стремление выяснить планировку южного притвора и придела Всех Святых, была обусловлена закладка раскопа к югу от собора.

В процессе исследования было расчищено более 40 % площади собора XV в. Сюда вошла алтарная часть, состоящая из 3-х апсид, восточные подкупольные опоры и алтарная преграда. Кладка апсиды сохранилась до высоты первого или второго цокольного ряда. У восточных торцов северной и южной стены высота выявленной кладки больше. В забутовке, помимо известковых блоков и щебня, встречаются отдельные фрагменты кирпича толщиной 5,76 см, что вполне соответствует размерам кирпичей, использованных в верхних частях здания. Высота блоков в сохранившихся рядах 16—20 см, длина 24—70 см, швы между блоками — до 2 см. Раствор в кладке известковый с незначительным добавлением песка. Толщина апсид по нижнему цокольному ряду 160—165 см (северная и южная), 185—190 см (центральная). Вынос апсид по отношению к восточной стене четверика составляет: северная — 365 см, центральная — 390 см, южная — 350 см. Снаружи между северной и центральной апсидами обнаружен прямоугольный выступ — основание лопатки, сохранивший один ряд кладки. Ее ширина 83 см, вынос составляет 30—37 см. Подобная лопатка между центральной и южной апсидами была выбита до фундамента при разборке храма.

Нижняя цокольная часть собора состоит из 7 рядов кладки: трех верхних профилированных (два валика с полочками и скоцией) и четырех с общей вертикальной плоскостью, служащих основанием декоративного пояса. Расчистка разобранных апсид показала тщательность обработки лицевой поверхности всех четырех непрофилированных цокольных рядов снаружи и только двух изнутри здания. К тому же два нижних интерьерных ряда расположены уступами. Неравноценное отношение к различным частям цоколя изнутри храма свидетельствует в пользу изначального создаваемого перепада

высот. Из этого следует, что пол собора планировалось поднять по отношению к древней дневной поверхности, как минимум, на два ряда кладки.

Интересны технико-технологические особенности фундамента. Под нижним стеновым рядом расположена своеобразная белокаменная платформа, сложенная в той же технике, что и основной храмовый объем, ее высота в среднем 20 см, а вынос по отношению к нижнему цокольному ряду (особенно изнутри в центральной апсиде) достигнет 70 см. На платформу опирались междуапсидные лопатки.

У центральной апсиды был заложен шурф I, который выявил мощный фундамент с глубиной заложения 230 см. Фундамент сложен из мелких и средних валунов (20—35 см в поперечнике), в качестве связующего использована красно-коричневая глина. Верхний ряд фундамента, состоящий из белокаменных неправильной формы блоков, можно назвать выравнивающим.

Стратиграфия шурфа представлена следующими напластованиями. Культурного слоя, отложившегося до строительства каменного собора, практически не существует. На материковом, желтого цвета песке, покоится тонкая углистая прослойка (0,5—1 см), являющаяся частью глинистого слоя толщиной 10—18 см. Помимо угля в составе суглинка входит кирпичная крошка. Слой по высоте соотносится со вторым фундаментным рядом и фиксирует существование, надо полагать, деревянного храма-предшественника. Погорелости указывают на то, что деревянное здание было уничтожено пожаром, кирпичная же крошка свидетельствует об использовании кирпича в интерьере (пол) или снаружи (мощение). Над горелым слоем лежит выброс из фундаментного рва, его толщина 24—25 см. Верхний уровень этого пласта фиксируется по середине верхнего фундаментного ряда тонкой (1—1,5 см) прослойкой, содержащей известковую крошку. Наличие щебня на этом уровне свидетельствует об использовании белого камня при закладке фундамента. Расположенный выше щебня песчаный слой (толщиной 10—12 см), по характеру близок выбросу из фундаментного рва. Вероятно, он является результатом нивелировки территории вокруг собора перед укладкой платформы. Слой строительства, состоящий из белокаменной крошки и кирпичного щебня, по отметке соответствует платформе. Над этим слоем, перекрывая на всю высоту первый цокольный ряд, лежит культурный слой (15—25 см) времени существования каменного храма. Все остальные напластования связаны с разрушением Никольского собора в советское время (строительный мусор и дерн над ним).

Обращает на себя внимание довольно значительная глубина заложения фундамента. Принимая во внимание сообщение летописца о создании насыпной площадки перед строительством собора еще во времена Антония,^{xxiii} такую глубину заложения фундамента

можно рассматривать как страховочное мероприятие, нацеленное на создание надежного основания в искусственно сформированном грунте. Отсутствие в стратиграфическом разрезе даже незначительных следов жизнедеятельности на этой территории в домонастырский период (помимо пожарной прослойки) не исключает постановки каменного храма на насыпной площадке.

Междуапсидные стенки, доходящие до восточных подкупольных столбов, местами сохранили два ряда стеновой кладки. В центральной части они имеют уступы и сужаются к западу, фиксируя, по всей видимости, основания арочных проемов. Отсутствие проемов на данном уровне свидетельствует о том, что они могли начинаться, в лучшем случае, лишь с сохранившейся после разрушения храма отметки. Фрагменты кирпичного пола в жертвеннике на этом же уровне подтверждают высказанное предположение.

Междуапсидные стенки ограниченно переходят в восточные подкупольные опоры. Последние, в свою очередь, связаны с остатками алтарной преграды, основание которой пересекает здание по всей ширине. Судя по раскреповкам раскрытых частей междуапсидных стенок в жертвеннике и дьяконнике, местоположению кирпичного пола в алтарной части и хорошо читаемой западной границе преграды, сторона практически квадратных в плане восточных столбов равнялась 150—155 см. Этот вывод находит свое подтверждение при рассмотрении северо-западной опоры, сохранившейся на большую высоту (см. шурф 3).

Расчистка храмового интерьера от строительного мусора позволила выявить своеобразный гидроизоляционный слой. Он состоит из известковой заливки толщиной 2—4 см, перекрывающей всю площадь собора в уровне верхнего обреза надфундаментной платформы.

Алтарная преграда сохранилась неравномерно. Наименее разобранной оказалась та ее часть, которая расположена между северной стеной и основанием северо-восточного столба. С севера уцелевший фрагмент преграды напоминает сильно выступающую лопатку. Здесь вполне определенно читается первоначальная высота алтарной преграды. Со стороны алтаря ее высота равна 325 см, со стороны наоса — 331 см. Данное несоответствие объясняется устройством кирпичных полов на разных уровнях с востока и запада. Южная плоскость сохранившегося фрагмента преграды является одновременно северным откосом (четвертью) входного проема, связывавшего жертвенник с пространством для молящихся. Проем имел полуциркульное завершение, о чем свидетельствует сохранившаяся пята. Она расположена на расстоянии 189 см от фиксируемой горизонтальной плоскости. Так как на последней сохранились следы известкового раствора, есть основания считать, что утрачена плита (или плиты) порога. Не

исключено, что с сер. 18 в. плиты пола были чугунными. Фрагмент такой плиты обнаружен *in situ* в проеме, соединяющем западный притвор с северной папертью. Таким образом, пол в алтаре (жертвеннике) оказывался на 18—20 см ниже порога, в наосе — на 23—25 см. Толщина алтарной стенки в северной части 72 см.

В центральном нефе алтарная преграда выбрана почти везде до верхнего обреза фундамента, его технико-технологические особенности, изученные в этом месте, аналогичны фундаментной кладке под центральной апсидой. Близкой по высоте оказалась и глубина заложения (шурф 2). Следовательно можно утверждать, что фундамент под алтарную преграду был заложен с одной отметки одновременно с фундаментом под основной объем.

С юга алтарная преграда не сохранилась даже в виде интерьерной лопатки. Однако ее высота и толщина читаются на южной стене храма. Здесь преграда была отесана заподлицо со стеновой плоскостью. Два срубленных металлических подпятника в южной стене храма и следы стенки южной четверти на горизонтальной плоскости, свидетельствуют о местоположении южного проема в алтарной преграде. Проход из дьяконника в наос находился фактически рядом с южной стеной собора. При этом вынос южной четверти по отношению к стене здания составлял 11—13 см. Над штрабой толщиной 56—70 см, фиксирующей примыкание южной трети алтарной преграды, читается более узкая штраба от надкладки над преградой. По высоте она заканчивается на расстоянии метра от импоста. В отличие от нижней половины, надкладка не была перевязана с основным объемом. Ее появление следует, по-видимому, связывать с желанием клира изолировать полати над Благовещенским приделом. Наличие второго яруса в дьяконнике отмечено летописцем.^{xxiv} В итоге алтарная преграда в Никольском соборе выглядела следующим образом: это была белокаменная, толщиной 70—72 см и высотой 330 см сплошная стенка, пересекающая храм по всей ширине. Арочными проемами все части алтаря объединяются с основным храмовым пространством. Западные грани восточных подкупольных опор находились, вероятно, в одной плоскости с западной лицевой поверхностью алтарной преграды. Данные археологии позволяют, на наш взгляд, исключить предположение о примыкании столбов к поперечной алтарной стенке с востока.

Источники XVI в. свидетельствуют о существовании в соборе четырехярусного иконостаса.^{xxv} Те гнезда, в которых вставлялись тябла, не одновременны храму. Они вторичны. Проблема датировки первоначального иконостаса, по-видимому, тесно связана с определением времени разборки части алтарной преграды, поскольку во второй половине XVI в. каменная стенка сохранилась между северо-восточным столбом и

северной стеной храма.^{xxvi} Не исключено, что четырехярусный иконостас появился в Никольском соборе между 1558 и 1564 гг., потому что именно в этот период Юрьевский игумен Варфоломей передал в храм новые царские двери.^{xxvii} Устройство иконостаса могло сопровождаться разборкой алтарной преграды. Правда, такому выводу противоречит штаба на южной стене храма, свидетельствующая о существовании южной трети преграды после 1683 г. В этом году все здание было расписано,^{xxviii} но штукатурка с красочным слоем не перекрыла место примыкания алтарной преграды к южной стене, напротив, хорошо читается ее напоминание на некогда выступавший архитектурный элемент. Однако, учитывая документальное свидетельство XVI в., фиксирующее отсутствие каменных стенок между: подкупольными опорами и в дьяконнике, остается предположить, что небольшой выступ (южная четверть дверного проема — 11—13 см) сохранялся до 1683 г. и был, возможно, окончательно стесан в 1693 г. в период устройства нового пятиярусного иконостаса.^{xxix}

В шурфах 3 и 4 были выявлены остатки западных столбов. Северо-восточный сохранился на большую высоту и имеет два ряда кладки с хорошо обработанной лицевой поверхностью. Столб квадратный. Его сторона равна 150 см. У юго-западного столба надземные ряды кладки полностью отсутствуют. Однако, в шурфе 4 была выявлена значительная по площади уступчивая платформа, служившая до разрушения столба его основанием. Фрагментарно такая конструкция была расчищена и под северо-западным столбом. Основанием юго-западного столба служила, как минимум, трехслойная платформа. Размеры второго снизу белокаменного (фундаментного) ряда 250 x 210 см. Расстояние между подкупольными опорами по оси восток-запад, в среднем, равно 490 см, по оси север-юг — 410—440 см.

При раскопках было обнаружено несколько тысяч фрагментов фресок. Встречаются белокаменные блоки, лицевая поверхность которых полностью сохраняет фресковое покрытие. Размеры храмовых кирпичей конца XV века, извлеченных из строительного мусора, имеют следующие размеры: 25—29 x 12—14 x 5,3—7 см. Как правило, они меньше и тоньше тех, что использовались на северо-востоке Руси, начиная с XVI-го столетия.

В раскопе к югу от собора обнаружены остатки южного притвора, впервые упомянутого источниками в 1663 г.^{xxx} Стеновой кладки притвора не сохранилось. Фрагментарная сохранность и незначительного по глубине заложения фундамента. Реконструируются размеры южной паперти. По оси север-юг она равна 5 м, по оси восток-запад — 6,5 см. Фундаментная основа западной стены паперти стыкуется с аналогичной конструкцией апсиды придела Всех Святых (1690 г.). Последний примыкает

к притвору. В северной половине апсиды сохранилось до десяти рядов стеновой кирпичной кладки. В остальных частях стена выбрана до верхнего обреза фундамента. Размеры кирпичей 30—31 x 15—16 x 8—8,2 см. Алтарная часть придела имеет криволинейное очертание в виде четверти круга. Глубина заложения фундамента 140 см, пустоты заполнены кирпичным боем, ширина фундамента 140—160 см. Длина придела (по фундаменту) 11,5 м, он примыкает к юго-западному углу собора и расширяется по западной стене. В этой части ширина придела равна 8—8,4 м.

На основе данных, полученных в процессе исследования, можно говорить об одновременном существовании придела и иного притвора между 1690 г. (время строительства придела) и 1814 г. (дата разборки южной паперти). В конце XVII в, придел примкнул к западной паперти. Шурф 9, заложенный на месте ее южной стены, зафиксировал остатки цоколя, оказавшиеся после пристройки придела в его интерьере. В шурфе 10 было расчищено основание портала в западной стене притвора. Ширина проема 200 см. Порогом служит белокаменная надгробная плита. В шурфе 12 обнаружены остатки северной стены притвора. На ее северной лицевой поверхности фрагментарно сохранилась профилировка цоколя (валик и поребрик). Размеры западного притвора 13 x 5,2 м. Шурфами 13—15 были зафиксированы плановые габариты северной паперти (16,6 x 4,7). В шурфе 14 стена сохранилась на высоту более метра. Толщина стенок 85—89 см. Напротив северного портала собора выявлен дверной проем притвора. Его ширина 205 см. Порогом служит могильная белокаменная плита. В шурфе 13 обнаружен фрагмент порталной «дыньки». В результате есть основание считать, что западный растесанный портал собора был декорирован аналогично северному и южному.

Как отмечалось выше, датировка собора 1481 годом (начало строительства) была зафиксирована монастырской летописью, изданной по сохранившейся копии в конце прошлого века. У нас нет оснований ставить под сомнение предлагаемую дату, хотя ее соотнесение со стилистикой архитектурных форм выявляет определенное противоречие между привычными представлениями об особенностях каменных сооружений 80-х - 90-х гг. и некоторыми формами краснохолмского собора. Последние как бы опережают время и легче вписываются в архитектурный ряд начала — первой половины 16 века, что и было отмечено С. С. Подъяпольским.^{xxx1} Впрочем, такое впечатление создается возможно из-за того, что постройки Москвы середины - третьей четверти XV в. нам очень плохо известны, а между тем начало некоторым особенностям московского зодчества первой половины XVI в. могло быть положено именно в это время. Следует учесть и такой момент: облик московской архитектуры конца 15 в. формируется постройками зодчих, приглашенных в Москву из других земель (итальянцы, псковичи). Как бы не

велика была роль заказчика, как бы не старались мастера приспособиться к местному художественному запросу, собственно московская строительная традиция не может быть реконструирована, особенно в стилистических нюансах, только на основе работ приезжих зодчих. Сложность возникает и из-за того, что при плохой сохранности памятников стилистический анализ, как аргумент в пользу той или иной датировки, с трудом работает в коротких хронологических диапазонах, как это имеет место в данном случае, когда речь идет о выборе между концом XV и нач. XVI вв. С учетом этого предпочтительнее, на наш взгляд, при решении вопроса о времени постройки исходить из даты, сообщаемой монастырским летописцем.

Никольский собор возводили в период интенсивного каменного строительства на Руси. Причем, наиболее содержательная архитектурная коллизия имела место в Москве, где наряду с местными и псковскими зодчими активно работали мастера из Италии, чьи художественные новации имели довольно заметный резонанс в среде местных строителей. Объясняя некоторые особенности Никольского собора, В. П. Выголов высказал мысль о том, что его строителем мог быть итальянский мастер.^{xxxii} Заметим, что монастырская летопись о таком важном событии не сообщает, хотя в это время упоминание об участии в строительстве иноземного мастера было своего рода правилом. И все же постановка вопроса об итальянском строителе краснохолмского собора является оправданной некоторыми особенностями постройки (употребление в перекрытии крестовых сводов, пояс-карниз в основании закомар, их полуциркулярная форма и др.). Можно ли эти черты считать достаточными для положительного ответа на вопрос об авторе-итальянце? Подобный вопрос может быть поставлен и по отношению к значительному числу построек конца XV — первой пол. XVI вв., в стилистике которых присутствуют итальянизмы.^{xxxiii} Его важность для истории древнерусской архитектуры и шире — отечественной культуры определяется тем, что вопрос о национальной принадлежности строителя того или иного здания в этот период перерастает локальные рамки обычной атрибуции и должен рассматриваться в контексте взаимодействия двух своеобразных культур — русской и итальянской, — принадлежавших разным ступеням историко-социального развития. «Итальянское направление» в русском зодчестве кон. XV — нач. XVI вв. представлено как постройками итальянцев, так и их русских собратьев по профессии, творчески осваивавших новые для них приемы и формы. Это обстоятельство существенно осложняет проблему атрибуции и выдвигает на передний план вопрос о ее критериях.

Однажды выявившись, итальянизмы в древнерусском зодчестве уже с конца XV — начала XVI вв. начинают жить самостоятельной жизнью, указывая по большей части на

свое происхождение и реже на строителя итальянца. Персональные упоминания в летописях об итальянских зодчих со второго десятилетия XVI в. становятся все реже, а итальянизмы в архитектуре как бы стусшеваются, по крайней мере, утрачивают неожиданность и новизну и вряд ли могут быть безусловными критериями итальянского происхождения строителя. Итальянские формы, оказавшись в арсенале местных мастеров, упрощаются и, все более оригинальное включаясь в древнерусскую архитектурную систему, с неизбежностью русифицируются.^{xxxiv} Происходит отбор и закрепление в практике строительства приемов и форм внутренне близких древнерусскому архитектурному мышлению, неразрывно связанному с традиционными ценностями культуры. Новации прививались главным образом в сфере техники и декора и именно там, где улучшение не носило конфессионального оттенка.

Тип культового здания в своей полноте и цельности воплощающий языком архитектуры высшие ценности православия, оказался незыблем, а его художественный облик обогатился лишь стилистическими оттенками, итальянского (тем более ренессансное) происхождение которых различимо далеко не сразу. Вообще ренессансный характер многих итальянизмов практически игнорируется русскими заказчиками и строителями. Обращение к итальянской культуре не обнаруживает с русской стороны ренессансного художественного запроса. Расчет был на мастерство, на техническую сноровку приглашаемых итальянских мастеров. У другой культуры заимствовалось полезное и красивое, но отбор производился исходя из собственных, древнерусских представлений о художественной ценности и религиозной допустимости нововведения. Внутренние коллизии итальянской культуры, которые определяли смысл и направление ее развития, не привлекали сколько-нибудь заметного интереса со стороны московских заказчиков.

Это не мешало москвичам, как о том свидетельствуют летописи, с пристальным вниманием относиться к личности фряжского мастера, формам и приемам, которыми он пользовался при строительстве. На фоне сложившейся древнерусской архитектурной системы итальянизмы резко выделялись своей необычностью и на первых порах могли служить критерием определения национальной принадлежности автора-строителя. Такова разбивка плана Успенского собора с ее последствиями для объемно-пространственного и конструктивного решения, рустовка фасадов и позднеготические окна Грановитой палаты, ордерная система фасадов Архангельского собора. Все эти особенности не выводимы из местной архитектурной традиции и служили бы безусловным опознавательным знаком другой культуры при отсутствии летописных известий о мастерах-итальянцах, возводивших эти здания. Даже традиционные элементы под рукой итальянского

строителя получают особую стилистическую окраску и вызывают ассоциации с другой архитектурной традицией (порталы и аркатурный пояс Успенского собора).

Со второго десятилетия 16 в. употребление итальянизмов утрачивает новизну и неожиданность, вырабатывается в своем роде стандартный набор приемов итальянского происхождения (среди них карнизный пояс под закомарами, крестовые своды, круглые окна, мотивы орнаментики), которые уже не могут рассматриваться (как это было прежде) в качестве безусловного свидетельства в пользу работы итальянского зодчего. Итальянизмы этого периода могут быть объяснены и как результат освоения иноземных форм русскими мастерами и как итог приспособления к местным условиям оставшихся на Руси итальянских зодчих. К тому же авторский замысел в процессе его воплощения получал вполне конкретную стилистическую корректировку со стороны непосредственных исполнителей, среди которых могли быть как русские, так и итальянцы. Так при постройке Успенского собора под руководством Фиораванти работали русские мастера, а при возведении Архангельского собора в составе алевизовской артели явно преобладали итальянцы. В дальнейшем и среди мастеров-исполнителей доминирующее положение должны были занять местные мастера, усвоившие определенный набор итальянских технических и художественных приемов на той огромной строительной площадке, какой в кон. XV — нач. XVI вв. был Московский Кремль. Процесс освоения и практического использования новых форм мог начаться после первых итальянских архитектурных опытов на московской земле, хотя восприимчивость к ним со стороны разных групп местных строителей могла быть неодинаковой.

К таким постройкам русских мастеров, испытывающих итальянское влияние, относится, по нашему мнению, и краснохолмский собор. В его архитектуре намечился тот путь переработки итальянских новшеств, который станет обычным для русских мастеров в XVI в., например, для ростовских строителей круга Григория Борисова. В краснохолмском храме, как и в постройках ростовских зодчих XVI в., итальянизмы присутствуют в редуцированном виде, утратив непосредственно итальянскую стилистическую окраску, а использованные новые формы представляют собой почти стандартный набор, известный по практике работ русских мастеров в XVI в. К тому же архитектурно-типологическая основа, на которую они наложены, вполне традиционна.^{xxxv} Показательны для местного архитектурного мышления не только план и объемно-пространственная структура собора, но и такие с архаическим оттенком черты как неполное соответствие фасадных членений внутренней структуре здания, отсутствие лопаток в интерьере, вторая глава над дьяконником, килевидная форма архивольтов в

порталах и сноповидные капители. Объяснить их появление в работе итальянского мастера много труднее, чем итальянизмы собора, если считать его строителем русского зодчего. Вполне традиционной для московского строительства является и сочетание белого камня в кладке стен и кирпича в верхних частях, близкого по размерам кирпичу других доитальянских построек Руси. Устойчивая повторяемость традиционно-местных строительных приемов и форм, на наш взгляд, в большей степени, чем используемые, итальянизмы, свидетельствуют о национальной принадлежности строителя.

Нанятые в службу великого князя мастера из Италии в кон. XV в. работали только в Москве. Это не удивительно, учитывая грандиозный размах работ в Кремле, которые постоянно требовали все нового притока зодчих из Италии, о чем свидетельствует и последний большой вызов мастеров в нач. XVI в. (среди приехавших был и Алевиз Новый). Поэтому представляется маловероятным, чтобы на строительство каменного храма в малоизвестный, далекий от Москвы монастырь, был направлен зодчий-итальянец, столь необходимый в этот период в столице.

Итак, имеющиеся в архитектуре собора итальянизмы не дают, на наш взгляд, достаточных оснований для безусловного отнесения постройки к творчеству одного из итальянских мастеров. Впрочем, русское происхождение зодчего, хотя и представляется нам более доказательным, также может рассматриваться как вариант ответа на поставленный вопрос.

Среди других групп строителей, активно работавших на Руси в кон. XV в., следует выделить псковичей, известных своими постройками в Москве, и ростовчан, строивших в Белозерском крае. Возведенные ими храмы хорошо изучены и потому нет необходимости специально доказывать их принадлежность совсем другим направлениям древнерусского зодчества, нежели краснохолмский храм. Технические и стилистические особенности Никольского собора позволяют искать построивших его мастеров в русле московской традиции.

Как показал В. П. Выголов, в 50-е — 70-е гг. в Москве велось значительное по объему каменное строительство. Можно с уверенностью утверждать, что неудача Кривцова и Мышкина при возведении Успенского собора, а также наплыв итальянских зодчих в Москву способствовали оттеснению местных мастеров на второй план и частичному, по крайней мере, устранению их от строительства в столице. Часть из них могла найти работу в удельных княжествах и периферийных монастырях. Нет ничего необычного в том, что традиционный опыт каменного дела именно в работах московских мастеров более всего корректировался итальянским влиянием.

В этот период довольно активно строили братья Ивана III Андрей Углицкий и Борис

Волоцкий. Постройки первого убедительно связываются с творчеством мастеров ростовского круга.^{xxxvi} Ближе краснохолмскому храму в техническом и стилистическом отношении Воскресенский собор в Волоколамске, выстроенный по заказу Бориса Васильевича в 80-е – 90-е гг.^{xxxvii} В середине 80-х годов началось каменное строительство в соседнем Иосифо-Волоколамском монастыре. Характерно, что смерть Бориса Волоцкого, наступившая в 1494 г., совпадает с датой закладки в Краснохолмском монастыре каменной трапезной с церковью Дмитрия Солунского.^{xxxviii} Таким образом, вероятнее всего, что одной из периферийных линий московской ориентации и обязаны своим происхождением архитектурные особенности Никольского собора в Красном Холме.

ⁱ Анатолий. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, Весьегонского уезда Тверской губернии, Тверь, 1883, С. 3.

ⁱⁱ Там же.

ⁱⁱⁱ Там же. С. 5.

^{iv} Там же. С. 33.

^v Анатолий. Историческое описание. С. 6—9.

^{vi} Там же. С. 8—9; Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (посл. четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 11.

^{vii} Анатолий. Историческое описание. С. 18.

^{viii} Там же. С. 20.

^{ix} Там же.

^x Там же. С. 19.

^{xi} Там же. С. 14.

^{xii} Там же. С. 19.

^{xiii} Там же. С. 14.

^{xiv} Там же. С. 7.

^{xv} Там же. С. 6.

^{xvi} Там же. С. 19.

^{xvii} Там же.

^{xviii} Там же. С. 21.

^{xix} Там же. С. 19.

^{xx} Выголов В. П. Никольский собор. С. 22, 25—26.

^{xxi} Там же. С. 6.

^{xxii} Исследование памятника велось «Тверьпроектреставрацией» совместно с архитектурно-археологической экспедицией кафедры С.-Петербургского университета. Обмеры выполнены сотрудниками ПСБ «Тверьпроектреставрация» Кондаковой Е. В., Прусевичем Е. В., Токмановым О. Н. и ст. науч. сотр. Тверского университета Малыгиным П. Д.

^{xxiii} Анатолий. Историческое описание. С. 33.

^{xxiv} «Да в Благовещенье книг в верху на полатех ветхих 35 книг» (Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря. М., 1879. С. 54.)

^{xxv} Анатолий. Историческое описание. С. 6.

^{xxvi} Там же. С. 7.

^{xxvii} Там же. С. 24, 35; Жизневский А. К. Древний архив. С. 47.

^{xxviii} Анатолий. Историческое описание. С. 19.

^{xxix} Там же.

^{xxx} Там же. С. 20, прим. 1.

^{xxxi} Советское искусствознание. М., 1985. Вып. 19. С. 399.

^{xxxii} Выголов В. П. Никольский собор. С. 22—26.

^{xxxiii} Мельник А. Т. Новые данные об Успенском соборе Ростова Великого // Реставрация и архитектурная археология. М., 1991. С. 131—132.

^{xxxiv} Ильин М. А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. М. 1980, С. 131.

^{xxxv} Выголов В. П. Никольский собор. С. 20.

^{xxxvi} Там же. С. 22.

^{xxxvii} Ильин М. А. Подмосковье. М., 1974. С. 232—233; Машков И. Воскресенский собор в Волоколамске // Сб. статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 296—310; Памятники архитектуры Московской области. М., 1975. Т. 1. С. 23-24.

^{xxxviii} Анатолий. Историческое описание. С. 5.